

МИШЕЛЬ АНРИ

БЫВШИЕ
НЕСЛУЧАЙНАЯ
СЛУЧАЙНОСТЬ

сделано в

Flyvi

Мишель Анри

Бывшие. Неслучайная случайность

«Литнет»

2025

Анри М.

Бывшие. Неслучайная случайность / М. Анри — «Литнет», 2025

— Мы же разводимся, помнишь? Твои указы больше не действуют. — Я всё ещё тебя люблю. Вернись. — Ты не любишь. Ты просто не можешь смириться, что я ушла из-под твоей власти. Им нужно было продать общий дом. Всего несколько дней в одной машине — и свобода. Но они и не подозревали, что дорога приготовила для них особый маршрут: через ссоры и смех, через боль прошлого и хрупкую надежду на будущее. Роман о том, что самое сложное путешествие — это путь обратно к себе и друг к другу.

© Анри М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1

Дверь в пентхаус с грохотом врезалась в стопор, когда Глеб ворвался внутрь.

— Три часа. Три часа они ждали, когда ты вернешься, как идиоты!

Глеб влетел в спальню, срывая с себя галстук. Его лицо, обычно безупречно-холодное, пылало гневом. Весь его вид — от идеально сидящего костюма до властной осанки — кричал о деньгах и власти. И сейчас эта власть была направлена на неё.

Юля стояла у зеркала, стирая с ресниц тушь. На ней был чёрный кожаный комбинезон — одежда, которую Глеб в частных беседах называл «нарядом для мотоциклистки из дешёвого сериала».

— Я оставила сообщение твоему ассистенту, — бросила она через плечо, не оборачиваясь. — Не виновата, что ты нанимаешь людей, не умеющих передавать информацию.

— «Отлучусь не надолго»? Это ты назвала сообщением? Ненадолго? — он подошёл так близко, что она почувствовала исходящее от него тепло. — Яковлев привез образцы новой линейки! Мы подписывали эксклюзив!

— О, Боже! — она резко повернулась к нему, и её глаза вспыхнули. — Ну. так получилось. Моя работа не менее важна, чем твоя. Тем более я на этой встрече была, как мебель...

— Мой бизнес кормит нас обоих! И ты должна была там быть!

— Кормит? — она горько рассмеялась. — Дорогой, я прекрасно обойтись и без этого душного «кормит».

— Где ты шлялась? — его голос, низкий и опасный, разрезал тишину стерильного пространства.

— В аэропорту, — ответила Юля. — Провожала того самого японского художника, чью выставку я курирую. Самолет задержали и я задержалась.

— Провожать в аэропорт какого-то бродягу с красками?

— Его зовут Кенши, и он гений! Его выставку купил Лувр, если тебя это хоть сколько-то интересует за пределами твоего квартального отчёта! Да, я проводила его! Потому что он — живой, талантливый, настоящий! В отличие от твоего Яковлева, который пахнет нафталином и старыми деньгами!

— Он — стабильность! Он — гарантия! — Глеб отбросил её руку. — А твой гений — это вспышка. Яркая, ослепительная и бесполезная. Как и всё, чем ты занимаешься.

Они стояли, тяжело дыша, измеряя друг друга взглядами. Воздух трещал от ненависти.

— Знаешь, что самое ужасное? — прошептала Юля. — Я смотрю на тебя и не понимаю, куда делся тот парень, который мог заснуть со мной на полу в первой съёмной квартире, потому что нам было весело. Тот, кто тайком влезал в долги, чтобы купить мне подарок. Ты похоронил его под своими костюмами и сделками.

— Он повзрослел, Юля! — рявкнул Глеб. — В отличие от тебя. Ты до сих пор живёшь в мире сказок, где все друг друга любят, а счета оплачивают феи. Хватит. С меня достаточно.

— Чего достаточно? — выдохнула она.

— Тебя. Твоих выходов. Твоей безответственности. — Он отступил на шаг, и его лицо снова стало маской холодного превосходства. — Надоело. Развод.

Слово повисло между ними, тяжёлое и окончательное. Юля почувствовала, как что-то острое и колющее сжимается у неё в груди. Сердце Юли бешено заколотилось. Глаза наполнились слезами ярости и боли, но она не позволила им упасть.

— Ага, — её голос дрогнул, но она заставила себя выпрямиться и посмотреть ему прямо в глаза. — Испугался, что твой безупречный мирок заразится моим «инфантилизмом»? Боишься, что я напомню тебе, что когда-то ты умел смеяться и любить, а не только подсчитывать прибыль?

— Не лезь в дебри, — холодно остановил он ее. — Просто скажи «да».

Она смотрела на него — на этого красивого, успешного, абсолютно недостижимого человека, который когда-то ночами напролет читал ей стихи, а теперь видел в ней лишь обузу.

— Знаешь что, Глеб? — ее голос внезапно стал тихим и ясным. — Ты прав. Хватит. Надоело. Я согласна. Развод.

Он медленно кивнул, без тени эмоций.

— Разумное решение. Завтра в десять утра у адвоката. Не опаздывай.

Он развернулся и ушел в свой кабинет, плотно закрыв за собой дверь. Юля осталась стоять одна посреди огромной гостиной, в которой вдруг стало нечем дышать. Она проиграла эту битву. Но где-то глубоко внутри, сквозь боль и унижение, пробивалось странное, щемящее чувство облегчения. Ад наконец-то подошел к концу. Или только начинался?

Глава 2

Солнечный луч, холодный и острый, как лезвие скальпеля, упал на идеально отполированную поверхность стола из красного дерева. Он выхватил из полумрака кабинета контуры бронзовой статуэтки — абстрактной фигуры, олицетворяющей, по замыслу дизайнера, «стремление вверх». Глеб Мысин давно перестал замечать и статую, и вид из панорамного окна за спиной, где просыпался миллионный город. Вид был частью имиджа. Как и кабинет. Как и он сам.

Его палец, легким движением, провел по дисплею планшета, отправив очередной отчет в цифровое небытие. В воздухе парила тишина, нарушаемая лишь тихим гулом системы вентиляции — ровным, стерильным звуком, который он предпочитал живому гомону улицы.

— Мария, зайдите, — его голос, ровный и не требующий возражений, разрезал тишину.

Дверь открылась беззвучно, пропуская в кабинет его помощницу. Мария, женщина с безупречно убранными волосами и в таком же безупречном костюме, вошла, держа в руках айпад, готовый к работе.

— Доброе утро, Глеб Викторович.

— План, — коротко бросил он, не глядя на нее.

Она откашлялась, переведя устройство в режим презентации.

— Ваша поездка запланирована на послезавтра. Вылет в девять-ноль-ноль, бизнес-класс. Встреча с инвесторами в одиннадцать тридцать. Обед...

— Отмените, — Глеб перебил ее, наконец подняв глаза. Его взгляд был ясным и тяжелым. — Перенесите все встречи на четверг. Со вторника по среду я буду недоступен.

На идеально отшлифованном лице Марии на мгновение мелькнуло удивление, но было мгновенно стерто годами тренировок. Два дня полного недоступности — это было из ряда вон. Глеб Мысин был доступен всегда. Даже в час ночи он мог ответить на рабочий имейл коротким «исправьте».

— Я... понимаю. С каким статусом отметить в вашем календаре?

— «Личные дела», — он отчеканил, и это прозвучало как-то неестественно, будто он произнес слово на незнакомом языке.

Он отодвинул от себя планшет и взял со стола простой, лишенный изысков, конверт. Из него он извлек единственный лист бумаги — явный анахронизм в его цифровом мире. Это был старый чертеж. Эскиз деревянного дома с широкой верандой и камином. В углу — подпись, уже выцветшая от времени: «Наш проект. Г. и Ю.».

— Мне потребуется автомобиль. Не водитель, — он подчеркнуто посмотрел на Марию. — Только автомобиль. И чтобы он был подготовлен. Полный бак, проверка шин.

— Какой маршрут, Глеб Викторович? Я внесу в навигатор.

— Маршрут... — он медленно повертел в пальцах чертеж, потом отложил его в сторону. — Я составлю его сам. Ваша задача — обеспечить логистику до пункта А. Всё.

Мария кивнула, ее пальцы затанцевали по экрану, занося пометки.

— Будет исполнено. Забронировать отель? На две ночи?

Глеб задумался на секунду. Его взгляд снова уперся в чертеж.

— Одна ночь. «Гранд Отель» в Карповске. Люкс.

— «Гранд Отель» снесли два года назад, Глеб Викторович. На его месте теперь бизнес-центр.

Впервые за много лет Глеб почувствовал легкий укол раздражения. Не из-за помощницы, а из-за этого факта. Мир менялся без его ведома. И ему это не нравилось.

— Найдите лучший из доступных вариантов в том районе. Пришлите мне на согласование.

— Есть. Что еще?

Он помолчал, его взгляд упал на тонкую серебряную рамку, стоявшую на столе боком к нему. Он не видел фотографии, но знал ее наизусть. Там они с Юлей, загорелые, счастливые, обнявшись, стояли на фоне того самого эскиза, вбитого в землю колышками. Они только купили эту землю. Еще верили, что могут построить всё.

— Ничего, — наконец произнес он, и его голос дрогнул, всего на пол-тона, но Мария, знавшая все его интонации, заметила. — Будьте на связи.

Она кивнула и так же бесшумно вышла, оставив его одного в огромном, наполненном тишиной кабинете.

Глеб медленно повернул к себе ту самую серебряную рамку. Молодое, смеющееся лицо Юли. Ее растрепанные ветром волосы. Ее рука, доверчиво лежащая на его плече. Он смотрел на фотографию несколько долгих секунд, его лицо оставалось непроницаемым. Затем, одним резким, почти грубым движением, он швырнул рамку в ящик стола. Дерево с глухим стуком приняло в себя память о счастье.

Он снова взял в руки планшет. Его пальцы привычно вывели на экран цифры, стрелки, условные обозначения. Он строил маршрут. Точно, безэмоционально, как чертеж моста. Рассчитал время пути с запасом на непредвиденные обстоятельства в пятнадцать минут. Отметил оптимальные заправки. Заложил время на сон, прием пищи, два коротких звонка.

Пункт А: его пентхаус.

Пункт Б: тот самый дом в горах, который они когда-то строили вместе.

Цель: подписать бумаги о продаже. Разрубить последнюю связь. Поставить жирную, окончательную точку.

Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы. Всё было просчитано. Всё было под контролем. Эта поездка была простой формальностью. Последним аккордом в симфонии их распавшегося брака.

Он не допускал мысли, что у судьбы на этот счет могут быть другие планы. Что точка, которую он так уверенно ставил, может с легкостью превратиться в многоточие. А стройные ряды цифр и графиков — рассыпаться в прах при первом же порыве горного ветра.

Глава 3

В её квартире пахло кофе и свежей выпечкой. Не идеальным капучино из дорогой кофейни, а крепким, сваренным в старой турке, и тёплым, только что из духовки, миндальным круассаном. Солнечные лучи, в отличие от холодного лезвия в кабинете Глеба, здесь были мягкими, рассеянными, они играли в пылинках, танцующих в воздухе, и ласково ложились на потертый паркет.

Юля, стоя на коленях перед открытым чемоданом, напевала что-то под нос. Не песню, а просто набор весёлых нот. Её русые волосы были собраны в небрежный пучок, из которого уже выбилось несколько непослушных прядей. На ней были старые, выцветшие джинсы и просторная футболка с изображением какой-то давно забытой рок-группы.

Комната была её точной противоположностью — тёплый, жилой хаос. Книги лежали стопками на полу и на подоконнике. На стене — коллаж из фотографий, билетов в музеи и засушенных цветов. Никакой системы, только память. Никакого «стремления вверх», только «здесь и сейчас».

— Ну, так... Свитер тёплый, — бормотала она себе под нос, засовывая грубый шерстяной свитер в уже переполненный чемодан. — Книга на дорогу... «Горные тропы»... иронично, да? — она усмехнулась и бросила потрёпанный том поверх свитера.

Её взгляд упал на смятую бумажку, лежавшую на столе рядом с чашкой кофе. Юля развернула её. Юридический бланк. Уведомление о необходимости явиться для подписания соглашения о разделе имущества. Адрес. Дата. Время. И подпись — чёткая, безэмоциональная, узнаваемая с полувзгляда: «Г. Мысин».

Она скомкала бумажку с легкой гримасой и метким броском отправила её в корзину для мусора. Не попала. Бумажка упала на пол, рядом с корзиной. Юля пожала плечами. «Потом», — подумала она.

В этот момент зазвонил телефон. На экране — улыбающееся лицо её лучшей подруги, Кати.

— Ну что, воин света, готова к битве? — раздался бодрый голос.

Юля включила громкую связь и, поднявшись с пола, пошла на кухню доливать себе кофе.

— Называй это как хочешь. Я просто еду подписать бумажки и закрыть этот гештальт. Один раз, без лишних эмоций.

— Без эмоций? С Глебом? — Катя фыркнула. — Юль, это же ходячий контроль-фрейк! Ты уверена, что хочешь провести с ним два дня в одной машине? Он же будет всю дорогу читать тебе лекции о тайм-менеджменте и правильной парковке!

Юля облокотилась о столешницу и улыбнулась. Её улыбка была совсем не такой, как на старой фотографии в ящике Глеба. Она стала шире, в уголках глаз затаились лучики морщинок — следы не только возраста, но и множества смеха.

— Он попробует. Но его указы на меня больше не действуют. Мы разводимся, помнишь? Я теперь гражданка свободного государства под названием «Моя Жизнь». У него там нет власти.

— Легко сказать. Ты же знаешь, как он умеет давить. Все эти взгляды, интонации... Он за пять минут может заставить меня почувствовать себя идиоткой, который неправильно заваривает чай.

— Потому что ты ему веришь. А я нет. Больше нет, — Юля сделала глоток кофе. — Я его прекрасно изучила за годы брака. Это как вирус, к которому у меня выработался иммунитет. Я выдержу. Это последний раз, когда он будет мной командовать.

— А дом? — голос Кати стал серьезнее. — Ты же так его любила. Вы его сами строили.

Юля замолчала. Её взгляд вдруг потерялся, она смотрела в окно, где на ветке старого клёна прыгала воробьиная семейка.

— Дом... — она повторила тихо. — Да. Любила. Но это был дом для нас двоих. А «нас» больше нет. Так что это просто бревно и стекло. Я готова с этим попрощаться.

Она говорила это с такой лёгкостью, будто и правда была готова. Но пальцы её чуть сильнее сжали кружку.

— Ладно, я тебе верю, — вздохнула Катя. — Звони, если что. Если он начнёт тебя доставать, просто включи какой-нибудь свой инди-фолк на полную громкость. Это должно свести его с ума.

— Отличный план! — Юля рассмеялась. — Обязательно воспользуюсь.

Они попрощались, и Юля вернулась к своему чемодану. Она осмотрела его содержимое: несколько книг, тёплые вещи, блокнот с ручками (на случай, если в дорогу придет вдохновение), походный термос. Никаких деловых костюмов, никаких планов, расписанных по минутам.

Она подошла к коллажу на стене и нашла там маленькую, потрёпанную фотографию. Тот самый дом. Снято ещё на плёночный фотоаппарат. Дом стоит без окон и дверей, только сруб и стропильная система крыши. Рядом с ним они с Глебом. Он обнимает её за плечи, а она, зажмурившись от солнца, смеётся, подняв лицо к небу. Они были полны надежд тогда. Они верили, что могут построить не только дом, но и всю свою жизнь — такую же прочную и тёплую.

Юля кончиком пальца провела по смеющемуся лицу на фотографии. По лицу Глеба, которого уже не было.

— Ничего, — прошептала она самой себе. — Всё пройдёт. И это тоже.

Она аккуратно отклеила фотографию от стены и, подойдя к мусорному ведру, наконец-то подняла с пола тот самый смятый листок с уведомлением. Вместе с фотографией она снова скомкала его, на этот раз тщательнее, и отправила в корзину. Точный бросок. Попадание.

Она закрыла крышку чемодана и защелкнула замки. Звук прозвучал громко и окончательно в тишине квартиры. Символично.

Завтра — дорога. Последнее совместное путешествие. Она была уверена, что это конец. Она и представить не могла, что для чего-то это может оказаться началом.

Глава 4

Ровно в 7:55 утра его чёрный внедорожник, бесшумный и грозный, как танк, притормозил у её дома. Не у подъезда, а именно у дома — старинного особняка, превращённого в модные лофты. Глеб не вышел, не позвонил, не подал знака. Он просто прислал смс без единого лишнего слова: «Я у дома».

Он сидел за рулём, его пальцы барабанили по рулю в ритме, который был ему несвойственен. В салоне пахло кожей и кофе из термокружки, стоявшей в подстаканнике. Он смотрел на входную дверь, ожидая увидеть её — возможно, немного запыхавшуюся, может, даже с опозданием в те самые пресловутые четыре минуты. Он мысленно уже готовил фразу, сухую и точную, напоминание о ценности времени.

Но дверь открылась ровно в 8:00, и на пороге появилась Юля. Не запыхавшаяся. Не суетливая. Она стояла с той же небрежной уверенностью, что и в её квартире. Через плечо был перекинут объёмный рюкзак, а в руке она катила небольшой, явно не по погоде лёгкий чемодан. На ней были те самые выцветшие джинсы, кроссовки и тёплая кофта. Ветер тут же вырвал из её пучка несколько прядей, и она даже не попыталась их убрать.

Он наблюдал, как она подходит, его взгляд скользнул по её багажу, и в голове тут же родилась оценка: «Непрактично. Не по сезону». Он нажал кнопку, открывая багажник, и вышел из машины — не чтобы помочь, а чтобы проконтролировать процесс.

— Место рассчитано, — сказал он, когда она потянулась к ручке багажника. Внутри лежала его собственная, идеально упакованная сумка-кейс, занимающая ровно треть пространства. Рядом — аккуратный пакет с бутилированной водой и влажными салфетками. Всё остальное пустовало, ожидая её вещей.

Юля метким движением закинула рюкзак в угол, а чемодан поставила рядом. Он занял непозволительно много места. Глеб промолчал, лишь плотнее сжал губы. Она захлопнула багажник и направилась к пассажирской двери.

— Ты опоздала на четыре минуты, — раздался его голос, когда она уже бралась за ручку.

Юля обернулась. Её глаза, зелёные и ясные, встретились с его взглядом. В них не было ни извинения, ни раздражения. Только лёгкое, почти невесомое недоумение.

— Ты считаешь минуты? — она улыбнулась. Улыбка была быстрой, как солнечный зайчик. — Как мило. Я думала, мы уже миновали стадию, когда ты отмечал мои опоздания в своём ежедневнике.

Она открыла дверь и села на пассажирское кресло, пахнущее кожей и дорогим парфюмом. Забросила ноги в грязных кроссовках на идеально чистый коврик. Глеб сел за руль, его челюсть была напряжена.

— Пунктуальность — это уважение к чужому времени, — отчеканил он, заводя двигатель. Машина отозвалась почти неслышным гулом.

— А гибкость — это уважение к самой жизни, — парировала она, глядя в окно. — Но мы же не для того сюда сели, чтобы философствовать, верно? Поехали уже.

Он тронулся с места плавно, почти бесшумно. Машина была продолжением его воли — послушным и точным. Первые несколько минут они ехали в молчании. Глеб сосредоточенно смотрел на дорогу, Юля — на меняющийся за окном город. Она опустила стекло, в салон ворвался прохладный воздух и городской гул.

— Закрой, пожалуйста, сквозняк, — попросил он, не глядя на неё.

— Мне нужен воздух, — ответила она, не поворачивая головы. — В твоём салоне пахнет... стерильностью. Как в операционной.

Он ничего не сказал, но его пальцы снова забарабанили по рулю. Через минуту он включил аудиосистему. Зазвучал ровный, спокойный голос, вещающий о последних тенденциях в управлении бизнес-процессами.

Юля вздохнула, столь же театрально громко, и потянулась к своему рюкзаку. Она достала наушники и телефон. Через секунду из её наушников послышались приглушённые гитарные переборы и лёгкий женский вокал.

— Что это? — не выдержал он, не в силах игнорировать этот звуковой фон, вторгающийся в его стерильное пространство.

— Музыка, — просто ответила она, глядя на него с притворной невинностью. — Ты же не против? Или у тебя есть план и на то, что я должна слушать?

— В машине есть качественная акустика. Мы могли бы слушать что-то вместе, — сказал он, и в его голосе прозвучала тень того, что когда-то могло бы быть компромиссом.

Юля вынула один наушник.

— Хорошо. Давай договоримся. Один час — твои подкасты. Следующий час — моя музыка. Честно?

Он удивлённо посмотрел на неё. Такого предложения он не ожидал. Оно было простым, логичным и... справедливым. Это выбивало его из колеи.

— Ладно, — неохотно согласился он. — Но сначала моя очередь.

— Конечно, босс, — улыбнулась она и снова вставила наушник на место, явно игнорируя его «очередь».

Глеб сдержал вздох. Они проехали всего двадцать минут, а он уже чувствовал себя так, будто провёл многочасовые переговоры с непредсказуемым партнёром. Он мысленно открыл файл с маршрутом в своей голове. До первого запланированного пункта — заправки — оставалось ровно 47 минут.

Он не знал, что это молчаливое перемирие было лишь затишьем перед бурей. Что его безупречный план уже начал давать первую, почти невидимую трещину. И что эта трещина зияла прямо в коврике под грязными кроссовками женщины, которая когда-то была его женой.

Глава 5

Мерный, бархатный голос диктора, вещающий о «квартальном росте эффективности в условиях кризиса», заполнял салон, словно густой сироп. Глеб слушал, вполуха отмечая знакомые тезисы, но часть его сознания была прикована к тихому, но назойливому шелканью.

Юля устроилась в кресле, поджав под себя ноги, и увлечённо перебирала чётки — деревянные, тёмные, отполированные до блеска прикосновениями. Это был подарок её бабушки, и они всегда помогали ей сосредоточиться или, наоборот, расслабиться. Щелк. Щелк. Щелк. Звук был тихим, но в стерильной тишине салона он раздражал Глеба, как капля воды, падающая на лоб.

Он продержался минуты три.

— Ты не могла бы прекратить? — наконец не выдержал он, не глядя на неё. Щелчки прекратились.

— Что именно? — спросила Юля с подчеркнутой невинностью.

— Этот... звук. Он отвлекает.
Она повертела чётки в пальцах.

— А этот господин, который уже полчаса рассказывает нам, как оптимизировать бизнес-процессы, не отвлекает? Мне кажется, он уже третью воду на ту же жерновую мельницу льёт.

— Это полезная информация, — отрезал Глеб.

— А это — полезное безделье, — парировала она. — Медитация. Ты бы попробовал, а то у тебя лоб вечно в напряжённых морщинах.

Она снова принялась за чётки, на этот раз чуть громче. Глеб с силой нажал на кнопку на руле, выключая подкаст. В салоне воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая только шумом шин.

— Мой час, кажется, истёк, — пробурчал он.

Юля с торжествующим видом убрала чётки в карман и подключила свой телефон к Bluetooth. Через секунду салон наполнился акустической гитарой, лёгким боем и задумчивым женским вокалом. Музыка была простой, немного грустной, но наполненной странным чувством надежды. Совершенно не похожей на то, что слушал он.

Глеб поморщился.

— И что в этом привлекательного? Никакой динамики, никакого драйва.

— В этом привлекательного то, что в этом есть жизнь, — не глядя на него, ответила Юля, уставившись в окно на мелькающие поля. — А не сухие цифры прибыли. Ты хочешь драйва?

Она пролистала плейлист, и следующая композиция зазвучала быстрее, с ритмичным притоптыванием и задорной гармоникой. Это была народная, что-то славянское, в современной аранжировке.

— Вот, пожалуйста. Драйв.

Глеб ничего не ответил, но его пальцы на руле слегка расслабились. Эта музыка была чужеродной, но... живой. Он украдкой взглянул на Юлю. Она снова смотрела в окно, её пальцы отбивали ритм на колене, а губы шевелились, напевая слова. В её позе была такая естествен-

ность, такая свобода, от которой у него внутри что-то сжималось — странная смесь раздражения и чего-то ещё, давно забытого.

Он сконцентрировался на дороге. Навигатор показывал, что до заправки осталось 15 километров. Всё шло по плану. Почти.

— Я хочу пить, — объявила Юля, обрывая его мысли.

— На заправке купишь. Через 12 минут будем там.

— Я хочу пить сейчас. У тебя же есть вода.

Она кивнула на аккуратный пакет с бутилированной водой в подстаканнике позади него. Его вода. Его запас.

— Это про запас, — сказал он.

— Глеб, мы в цивилизации, а не в пустыне Сахара. На заправке купим тебе новый «запас». Дай бутылку.

Он вздохнул, чувствуя, как проигрывает эту мелкую, но важную битву. Он привык, что его вещи — это его вещи. Его территория. Его правила.

— Ладно, — он сдался, чувствуя себя нелепо. — Бери.

Она потянулась, взяла бутылку, с хрустом открутила крышку и сделала несколько больших глотков. Он смотрел краем глаза, как двигается её горло, и ловил себя на том, что этот простой, житейский жест кажется ему вдруг удивительно интимным.

— Спасибо, — сказала она, ставя бутылку в свой подстаканник. — Видишь, мир не рухнул.

В этот момент навигатор пискнул, предупреждая о необходимости поворота на заправку. Глеб с облегчением сосредоточился на манёвре. Вот оно, неизбежное. План. Порядок.

Он подъехал к колонке, выключил двигатель и достал кошелек.

— Уложишь в 10 минут, — сказал он, протягивая ей кредитку. — Заправка, покупка воды, туалет.

Юля посмотрела на карту, потом на него, и медленно, с преувеличенной вежливостью, отодвинула его руку.

— Спасибо, я сама куплю свою воду. И, кстати, у меня тоже есть деньги. Удивительно, правда?

Она вышла из машины, хлопнув дверью, и направилась к магазину, оставив его сидеть с протянутой картой в руке. Он сжал её так, что пластик затрещал.

Его телефон завибрировал. Мария. Он нажал на ответ, его голос снова стал собранным и деловым.

— Да, Мария. Слушаю.

Пока он обсуждал перенос встречи, его взгляд невольно следил за Юлей. Она не бежала, не суетилась. Она шла неспешной, развалистой походкой, рассматривая витрину магазина, потом остановилась, чтобы погладить какого-то бродячего кота, крутившегося у ног.

Она нарушала всё. Его график. Его правила. Его пространство. И самое ужасное, что часть его, та самая, что он давно и тщательно подавлял, с интересом наблюдала за этим хаосом.

Она вернулась ровно через двенадцать минут. Не через десять. В руках у неё была не одна бутылка воды, а две. И пакет с какими-то печеньями местного производства.

— На, — она протянула ему одну из бутылок и открытый пакет с печеньем. — Попробуй. Говорят, тут с брусникой. Вкусно.

Он автоматически взял бутылку. И, после секундного колебания, печенье. Оно было хрупким, чуть сладким, с яркой кислинкой ягод.

— Ну как? — спросила она, заводя машину. Её музыка снова зазвучала в салоне. Глеб молча прожевал, выпил глоток воды.

— Съедобно, — буркнул он, отворачиваясь к окну, чтобы скрыть непроизвольную улыбку, которая всё же тронула уголки его губ.

Глава 6

Печенье действительно оказалось съедобным. Более чем. Сладковатая крошка таяла на языке, оставляя после себя терпкий, лесной привкус брусники. Глеб сделал еще один глоток воды — уже из своей, новой бутылки — и с удивлением осознал, что эта простая, почти детская еда доставила ему какое-то странное, мимолетное удовольствие. Вкус был слишком ярким, слишком настоящим для его мира, где даже кофе имел стандартизированный, предсказуемый вкус.

Он украдкой наблюдал, как Юля доедает свое печенье, облизывая пальцы с видом полного удовлетворения. Эта простая, почти животная радость от еды была так ей свойственна. Когда-то, в самом начале, это его в ней и привлекало — эта способность радоваться мелочам: первому снегу, случайно найденному на обочине подсолнуху, чашке душистого чая. Потом это начало раздражать. Бесила ее «несерьезность».

— Что? — встретила ее с его взглядом. — Испачкалась? — Она провела тыльной стороной ладони по губам.

— Нет, — он резко отвернулся, снова сосредоточившись на дороге. — Просто... ешь аккуратнее.

Юля фыркнула.

— А ты попробуй хоть раз есть не «аккуратнее», а «вкуснее». Ртом, а не глазами. Рекомендую.

Она снова полезла в пакет и достала второе печенье.

— Может, еще одно? Признайся, тебе понравилось.

— Я не испытываю эмоций по отношению к кондитерским изделиям, — отрезал он.

— Жаль, — вздохнула она. — А ведь мог бы. Эмоции — они такие, знаешь ли, как мышцы. Если не пользоваться — атрофируются.

Она откусила еще кусочек, и счастливое чавканье снова заполнило салон, смешиваясь с ее музыкой. Глеб чувствовал, как его собственные «мышцы», отвечающие за раздражение, напрягаются до предела. Но где-то глубоко, под толщей самоконтроля, шевельнулось что-то еще. Что-то вроде усталости от постоянного напряжения.

Он сбросил скорость, заметив впереди знак, которого не было в его навигаторе — «Ремонт дороги. Объезд». Идеальный асфальт сменился разбитой грунтовкой, уходящей вправо, в поле. Машину начало подбрасывать на колдобинах.

— Вот черт, — тихо выругался он. План снова давал сбой.

— О! — напротив, оживилась Юля, прильнув к окну. — Настоящее бездорожье! Как в старые времена, помнишь? Когда мы на той нашей «девятке» по всем таким дорогам лазили?

Он помнил. Старую, вечно ломающуюся машину, пыль, забивающуюся во все щели, и ее смех, когда их подбрасывало на ухабах. Тогда это не было проблемой. Тогда это было приключением.

— Это не «бездорожье», это нарушение логистики, — пробурчал он, цепко держа руль, чтобы мягкая подвеска внедорожника не распознала в его позе панику.

— Какая разница, как называть? Смотри, какая красота! — она показала рукой на поле, где среди пожухлой травы алели поздние дикие маки.

Он не смотрел. Он смотрел на дорогу, вычисляя, на сколько минут этот объезд отбросит их от графика. Его мозг уже рисовал новую временную шкалу, компенсирующую задержку.

— Эй, смотри! — голос Юли стал вдруг серьезным. Она указала вперед.

На краю дороги, прижавшись к обочине, стояла старенькая «Лада», а рядом с ней — пожилой мужчина в простецкой телогрейке, растерянно смотревший на поднятый капот.

Глеб внутренне простонал. Еще одна помеха. Еще одна точка в плане, требующая незапланированных действий. Его первым импульсом было проехать мимо. У него были свои проблемы. Свои сроки.

Но он уже сбрасывал скорость, по привычке, выработанной годами вождения. И прежде чем он успел принять решение, Юля сказала, не умолая, а констатируя факт:

— Нужно остановиться. Помочь.

— Юля, мы не ассоциация спасения на дорогах, — сказал он, но колеса уже выезжали на твердую обочину позади «Лады».

— Мы — люди, — просто ответила она и вышла из машины, даже не дожидаясь его ответа.

Глеб остался сидеть, наблюдая, как она подходит к мужчине, что-то говорит ему, заглядывает под капот. Он видел, как растерянность на лице незнакомца сменилась надеждой. Черт возьми. Он с силой выключил двигатель и вышел из машины.

— В чем проблема? — его голос прозвучал резче, чем он планировал.

Мужчина вздрогнул и обернулся.

— Да вот... масло, похоже, потекло сильно. Да и стартер, слышь, щелкает, а не крутит...

Глеб заглянул под капот. Картина была безрадостной. Масляная лужа под двигателем, старые, потрескавшиеся патрубки. Он не был механиком, но базовые вещи понимал.

— До сервиса далеко? — спросил он, чувствуя, как драгоценные минуты утекают сквозь пальцы.

— В Карповске... километров сорок, — мужчина беспомощно развел руками.

— Мы можем его отбуксировать? — предложила Юля, глядя на Глеба.

Он посмотрел на ее лицо. Не было ни капли сомнения или раздражения. Была только уверенность в том, что они должны помочь. Эта ее черта когда-то сводила его с ума. Сейчас она заставляла чувствовать себя мелочным скрягой, подсчитывающим секунды.

— У нас нет буксировочного троса, — сказал он, и в его голосе прозвучала почти победа. Практический аргумент.

— А у меня есть! — неожиданно оживился мужчина и потопал к багажнику своей «Лады». — Всегда с собой вожу, мало ли что.

Глеб закрыл глаза на секунду. Вселенная, казалось, вступила в сговор с Юлей.

Через пятнадцать минут, которые Глеб мысленно отсчитывал как часы на допросе, они медленно ползли по грунтовой дороге, волоча за собой хромающую «Ладу». Юля сидела на пассажирском сиденье и болтала с мужиком, которого звали дядя Миша, по телефону, выступая в роли диспетчера. Она уже созвонилась с его зятем, который ждал их на выезде на асфальт.

Глеб молчал, сосредоточенно ведя машину. Он чувствовал пыль, оседающую на лаке его безупречного автомобиля. Чувствовал, как рушится его график. Но сквозь раздражение пробивалось другое чувство — странное, почти забытое чувство... правильности. Того, что они поступили как нормальные люди.

Наконец они увидели на перекрестке старенькие «Жигули» и молодого парня, машущего им рукой. Маневр по перецепке троса занял еще несколько минут. Дядя Миша, перед тем как уехать, пожал Глебу руку так, что тот хрустнул костяшками.

— Спасибо вам, золотые люди! — его глаза блестели искренней благодарностью. — Да хранит вас Господь!

Он сунул Юле в руки запыленную, но целую стеклянную банку с мёдом.

— Своей пасеки! На здоровье!

Они снова остались одни на обочине. Глеб смотрел на исчезающую вдаль «Ладу», потом на банку мёда в руках у Юли. Она сияла, как будто только что выиграла тендер на миллион.

— Видишь? — сказала она, протягивая ему банку. — А говорил, эмоции к кондитерским изделиям не испытываешь. На, попробуй потом. Это тебе не рафинированный сахар.

Он молча взял банку. Стекло было теплое от солнца. Он поставил ее в подстаканник, рядом с недопитой водой. Еще один чужеродный предмет в его стерильном пространстве. Еще один след хаоса, который она привносила в его жизнь.

Он завел двигатель и тронулся. График был безнадежно сорван. Они опаздывали минимум на час. Но почему-то сейчас это не вызывало в нем привычного приступа раздражения. Он смотрел на дорогу, и ему в голову лезла дурацкая мысль: а ведь мед, наверное, и правда будет вкусным.

Навигатор, безуспешно пытавшийся построить новый маршрут после объезда, хрипло пищал, предлагая развернуться. Глеб с раздражением тыкал в экран, пока Юля наблюдала за этим с забавным интересом.

— Может, просто спросим дорогу? — наконец предложила она. — Видишь вон тот дом? Там явно кто-то живёт.

Глава 7

Она показала на покосившийся домик с резными наличниками, утопающий в зарослях малины. У калитки сидел рыжий кот, с философским равнодушием наблюдавший за и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.